



## Инженеръ-генералъ Борисъ Антоновичъ Шванебахъ <sup>1)</sup>.

(Изъ его воспоминаній и изъ воспоминаній о немъ).

**В**ообще аудиторія, какъ новинка, которой въ корпусахъ не было въ заводѣ,—производила на насъ всесторонне прекрасное впечатлѣніе. Мы ее, какъ храмъ науки, облюбовали. Но однажды въ одной изъ аудиторій случилась, вызванная едва-ли не больше всего ея обстановкой, исторія, которая навсегда оставила въ насъ недобрую память по себѣ, несмотря на всю мелочность свою.

Лекціи въ аудиторіи вообще читались по тѣмъ предметамъ, кои приходилось преподавать одинаково и одновременно для всего класса въ 150 чел.; въ отдѣленіяхъ, соответствовавшихъ мелкимъ корпуснымъ классамъ, мы занимались только практическими занятіями въ родѣ черченія — артиллерійскаго и инженернаго,—а также языками; военныя науки—каковы: фортификація, артиллерія, тактика, военная исторія, военная администрація читались всѣмъ ста пядидесяти слушателямъ сразу въ аудиторіи.

Болѣе трехъ мѣсяцевъ прошло благополучно; мы въ аудиторіи младшаго класса съ большимъ вниманіемъ слушали полковника Чепелевскаго по артиллеріи, полковника Казанскаго по тактикѣ, капитана Зайцева по военной администраціи и другихъ, какъ вдругъ начались у насъ нѣкоторыя, — сначала небольшія, неудовольствія противъ инженера капитана Озерникова, преподававшаго намъ фортификацію.

Дѣло въ томъ, что при чтеніи главной части этой науки, преподаватель чертитъ на большой доскѣ чертежи, такъ называемыхъ „фронтонъ укрѣпленій“; чертежи, эти какъ извѣстно,

<sup>1)</sup> См. „Русская Старина“, октябрь 1914 г.

представляли собой нѣчто сложное и, для того, чтобы она хорошо запоминалась, необходимымъ условіемъ являлось постепенное, на глазахъ слушателей, воспроизведеніе каждаго чертежа; по мѣрѣ того, что чертежъ создается, онъ запоминается и врѣзывается въ память. Капитанъ Озерниковъ, вопреки этому общепринятому правилу, приказывалъ состоявшему въ его распоряженіи чертежнику заранѣе чертить на доскѣ фронтъ, а во время лекціи самъ палкой лишь указывалъ по готовому рисунку ходъ создаванія чертежа этого фронта. Не имѣя возможности взять въ толкъ дѣло постепеннаго полученія чертежа, мы терпѣливо проморгали глазами двѣ лекціи или два фронта; но, по окончаніи второй лекціи, нѣкоторые изъ насъ рѣшились мягко высказать капитану Озерникову неудобство и даже безцѣльность такого сообщенія намъ свѣдѣній по этому важному отдѣлу фортификаціи. Капитанъ Озерниковъ обратившимся къ нему съ деликатно высказаннымъ заявленіемъ юнкерамъ ничего не отвѣтилъ, и мы полагали, что онъ само собой къ очередной лекціи отдастъ чертежнику надлежащее приказаніе о томъ порядкѣ, который придется завести по этой части въ будущемъ.

Явившись затѣмъ на лекцію, мы съ удивленіемъ и съ грустью увидѣли, что чертежникъ Коломнинъ опять заготовилъ мѣломъ на доскѣ чертежъ фронта, воспроизведеніе котораго мы надѣялись увидѣть на нашихъ глазахъ.

— Я присутствовалъ, сказалъ Коломнинъ, при томъ, когда вы, господа юнкера, обращались къ капитану, и потомъ объ вашей просьбѣ ему даже напомнилъ; несмотря на то, онъ отдалъ мнѣ прямое приказаніе начертить къ сегодняшнему чтенію „капонирный“ фронтъ по-прежнему<sup>1)</sup>, т. е. заблаговременно.

Выслушавъ это и видя, что уже скоро придетъ самъ капитанъ „читать намъ лекцію“, одинъ изъ юнкеровъ—Васичъ I-й, бывший кадетъ Орловскаго корпуса, взялъ мокрую губку и, въ присутствіи чертежника, стеръ его работу. Едва успѣлъ онъ окончить этотъ свой трудъ, какъ въ аудиторію вошелъ Озерниковъ и началъ взбираться по ступенькамъ на кафедру.

— Это что значитъ? Коломнинъ, гдѣ чертежъ фронта? отчего его нѣтъ?—закричалъ онъ грубо, крайне желчно и раздражительно.

— Чертежъ я стеръ,—отвѣтилъ подошедшій къ капитану

<sup>1)</sup> Въ нашемъ курсѣ преподавались тогда чертежи фронтовъ — ба-етіоннаго, тевальнаго, капонирнаго, полигональнаго.

юнкеръ Васичъ; мы васъ просили. для нашего облегченія, чертитъ фронты при насъ съ постепеннымъ ихъ воспроизведеніемъ; вы на нашу просьбу не обратили вниманія, а потому я нашелъ и нужнымъ и правильнымъ его стереть, такъ прямо вамъ объ этомъ и заявляю.

Озерниковъ позеленѣлъ, ни слова не отвѣтилъ и, взявъ въ руку мѣлъ, подошелъ къ доскѣ. Всѣ усѣлись на свои мѣста въ ожиданіи начала лекціи и въ надеждѣ увидѣть постепенное воспроизведеніе чертежа самимъ преподавателемъ.

Озерниковъ провелъ по серединѣ доски пунктирную линію, какъ полагается при созданіи чертежа и изъ середины той линіи опустилъ внизъ пунктиромъ же перпендикуляръ.

Доска была очень мокрая, мѣлъ на нее не садился, обваливался, проведенныя далѣе двѣ линіи обсыпались.

— Намъ ничего не видно, — заявило нѣсколько голосовъ, — позвольте доску вытереть досуха.

Озерниковъ не обращалъ вниманія и продолжалъ свое черченіе.

— Мы ничего не видимъ, — раздались опять голоса со скамеекъ, занятыхъ слушателями.

Тогда Озерниковъ обернулся къ намъ и, съ пѣной у рта, произнесъ:

— Господа, вы не воображайте, что вамъ здѣсь будетъ все сходить, какъ сходило въ корпусахъ; здѣсь вамъ ничто не будетъ пропускаемо и оставляемо безнаказаннымъ, за все вы будете строжайше отвѣчать и спуска вамъ давать не будутъ...

Какъ будто сговорившись, юнкера въ разныхъ углахъ обширной аудиторіи закричали, столы и скамьи затряслись, поднялся неимоверный шумъ, въ крикѣ нельзя было понять словъ; Озерниковъ очень растерялся и, бросивъ мѣлъ, быстро побѣжалъ съ кафедрой къ выходной двери.

Никогда никто впослѣдствіи не узналъ, какимъ образомъ и почему та дверь оказалась запертою на ключъ; капитанъ, ожидавшій возможности уйти безпрепятственно, началъ стучаться и ломиться; тутъ онъ пережилъ самыя тяжелыя, — критическія минуты, такъ какъ крики юнкеровъ болѣе и болѣе усиливались, отчего убѣгавшему „профессору“ должно было казаться, что юнкера вотъ-вотъ насѣдаютъ на него и кричатъ чуть не на его спицѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ, которыя несомнѣнно показались ему вѣчностью, дверь вдругъ отворилась, и глазамъ всѣхъ предсталъ изъ корридора инспекторъ классовъ, — полковникъ Слуц-



кій со своимъ помощникомъ гв. артиллеріи поручиковъ Юшенковымъ; рядомъ съ ними стоялъ корридорный служитель, который, видимо, только-что отперъ имъ дверь.

Озерниковъ ушелъ съ начальствующими лицами, начавъ растерянно и раздражительно рассказывать имъ, что именно произошло въ аудиторіи.

Такимъ образомъ лекція та окончилась ненагатою, и мы провели полтора часа безъ профессора въ пересудахъ всего случившагося.

На Б. А. Шванебаха вся эта исторія произвела крайне тяжелое впечатлѣніе. Озерниковъ сразу, при встрѣчѣ съ нимъ въ инспекторской комнатѣ, освѣтилъ ему ее крайне невыгодно для юнкеровъ, сказавъ: какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ смотритъ,—юнкера, очевидно, не могутъ отстать отъ кадетской привычки бунтовать.

Этихъ словъ было достаточно для того, чтобы разогорчить Бориса Антоновича, который именно пребывалъ въ полной вѣрѣ относительно того, что время бунтовъ миновало и въ училищѣ имъ мѣста не будетъ...

— Успокойтесь, капитанъ,—сказалъ онъ Озерникову, видя его раздраженіе,—успокойтесь, а затѣмъ расскажите мнѣ спокойно, что у васъ вышло и изъ-за чего?

Выслушавъ его рассказъ, полковникъ Шванебахъ объявилъ юнкерамъ, что желаетъ выслушать каждаго, кто самъ захочетъ придти къ нему, дабы откровенно дать вѣрныя, правдивыя показанія по поводу всего того, что ими надѣлано въ этомъ эпизодѣ. Много юнкеровъ отозвалось на призывъ, и почти три дня самъ Б. А. чинилъ имъ допросъ.

На третій день къ вечеру исторія была сочтена оконченною, при чемъ Васичу и нѣкоторымъ другимъ юнкерамъ, опредѣленіемъ училищной конференціи, были объявлены выговоры и замѣчанія за все то, что оказалось и что каждый самъ про себя рассказалъ на импровизированномъ домашнемъ дознаніи. Чтеніе лекцій фортификаціи въ нашемъ — младшемъ классѣ было передано командиру 4-ой роты капитану л.-гв. Московскаго полка Попелло-Давыдову, который до перевода къ намъ въ училище состоялъ въ Петровскомъ Полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ именно преподавателемъ фортификаціи; въ его преподаваніи мы получили общеустановленное при лекціяхъ воспроизведеніе чертежей.

Съ Озерниковымъ намъ пришлось навсегда разстаться; съ тѣхъ поръ, до конца года, онъ преподавалъ фортификацію и

фортификаціонное черченіе лишь въ старшемъ классѣ; когда мы перешли въ старшій классъ, онъ занялъ мѣсто преподавателя въ младшемъ классѣ, наполненномъ юнкерами, вновь переведенными изъ кадетскихъ корпусовъ, мы же до конца нашего пребыванія въ училищѣ остались въ рукахъ М. Я. Попелло-Давыдова <sup>1)</sup>.

Исторія эта замолкла и заглохла; мы тогда ничего больше о ней не узнали. Впослѣдствіи намъ, уже офицерамъ,—В. А. не разъ говорилъ: быть бы бѣдѣ, но мнѣ посчастливилось построить оправданіе юнкеровъ на томъ, что они скромно, тихо и вѣжливо съ самаго начала просили преподавателя провести и установить правильный способъ преподаванія, онъ не внялъ ихъ просьбамъ, чѣмъ могъ накликать большую бѣду, вызвавъ что-либо очень сложное и грубое, болѣе значительное, чѣмъ происшедшая всышка.

По Москвѣ, которая любила, какъ кумушка, всякіе слухи ловить и на разные лады перемывать, пошелъ говоръ о томъ, что „училищные юнкера, находящіеся на дѣйствительной службѣ, взбунтовались“. Слава Богу, мнѣ удалось эту вздорную молву остановить и во-время пресѣчь.

Все окончилось относительно благополучно, бунта во всемъ этомъ не было и тѣни, а Васичъ, позволившій себѣ стереть чертежъ, вполне достаточно былъ наказанъ, получивъ за это выговоръ вмѣстѣ съ другими, сознавшимися въ своихъ выкрикахъ школьническаго характера.

— Надо было слушать, продолжалъ В. А. Шванебахъ—съ какимъ достоинствомъ, спокойствіемъ и добродушіемъ юнкера все про себя рассказывали и какъ ихъ сознанія были симпатичны въ сравненіи съ тѣми желчными оговорами, которыми Озерниковъ старался всю исторію окрестить въ бунтъ! Онъ не лгалъ, но, разсердившись сразу, получилъ на все случившееся совершенно ложную точку зрѣнія и на ней по-своему твердо стоялъ, какъ бы не желая и не умѣя опомниться.

— Какъ мнѣ впредь читать лекціи и вообще заниматься съ толпой взбунтовавшихся юнкеровъ,—твердилъ онъ мнѣ въ отвѣтъ на все, что я ему сообщалъ изъ юнкерскихъ показаній. Наслушавшись вдоволь этихъ и такихъ его наговоровъ, рассказывалъ Шванебахъ, я собралъ конференцію изъ всѣхъ чиновъ училища и въ присутствіи ихъ съ большою твердостью

<sup>1)</sup> Мих. Яковл. Попелло-Давыдовъ вскорѣ былъ переведенъ въ Пажескій корпусъ ротнымъ командиромъ, а послѣ того былъ назначенъ директоромъ Псковскаго кадетскаго корпуса.

высказалъ Озерникову или, проще говоря, сурово ему внушилъ, что бунта никакого не было, хотя онъ,—капитанъ, все сдѣлалъ для вызова его; слава Богу, у юнкеровъ сердце не лежало къ этому, они всѣ оказались безусловно расположенными,—наносившіяся имъ, неумѣстными нотаціями его, оскорбленія сносить совершенно спокойно и съ полнымъ благоразуміемъ.

— Что же касается вопроса, задаваемого вами мнѣ,—сказалъ Бор. Ант-чъ Озерникову,—какъ вамъ преподавать толпѣ бунтовщиковъ, считаю, что вы должны мнѣ здѣсь сегодня официально и открыто заявить о своемъ желаніи сдать это преподаваніе кому-либо другому—это вамъ мой совѣтъ, мое положительное заключеніе и окончательное рѣшеніе.

Такъ это дѣло, грозившее большими осложненіями, быстро разсыпалось и окончилось ничѣмъ, благодаря лишь тому, что начальникъ училища, принявъ исторію близко къ сердцу, энергично, по свѣжимъ слѣдамъ, самъ ее разслѣдовалъ, а когда увидѣлъ, что она не стоитъ выведеннаго яйца,—закончилъ ее своимъ мудрымъ судомъ.

\* \* \*

Училищная конференція, о которой здѣсь упомянуто, играла большую роль въ нашей жизни, хотя вообще о ней и объ ея дѣятельности юнкерской массѣ было извѣстно немного. Б. А. Шванебахъ, открывая первое засѣданіе этой конференціи въ октябрѣ или въ ноябрѣ 1863 года, объявилъ, что все передаваемое на ея обсужденіе, какъ тяжелое для юнкеровъ (т. е. касающееся ихъ проступковъ), такъ и пріятное для нихъ (производство въ портупей-юнкера, другія повышенія и т. п.) должно обсуждаться при условіи совершенно свободнаго выраженія каждымъ членомъ мнѣнія своего,—этого, какъ во всемъ служебномъ, неизмѣнно требуетъ законъ и это должно быть установлено по совѣсти; я же, сказалъ онъ, здѣсь напомню только положительно объ одномъ—а именно, чтобы, на тѣхъ же основаніяхъ закона и совѣсти,—ничто отсюда не выходило никакими побочными путями; а затѣмъ, и доводится до свѣдѣнія юнкеровъ и вообще становится общеизвѣстнымъ можетъ разъ навсегда лишь то, о чемъ состоится постановленіе „объявить въ приказѣ“ или „сообщить по принадлежности“,—остальное положительно все должно здѣсь замирать. Объ этомъ я настоятельно прошу и даже требую, надѣясь, что повторять сказаннаго мнѣ не придется.



И нужно отдать справедливость сослуживцамъ Б. А. Шванебаха, до какой степени они свято исполняли это „требованіе“ его.—Такъ между прочимъ относительно переданнаго на ихъ обсужденіе событія, вызваннаго пресловутымъ фортификаціоннымъ чертежемъ, намъ тогда стало извѣстно только лишь о замѣчаніяхъ и выговорахъ, разсыпанныхъ по адресу нѣкоторыхъ изъ насъ; подробности же всего, что тамъ произошло комичнаго въ связи съ растерянностью, проявленною капитаномъ Озерниковымъ, вообразившимъ, будто бы на обсужденіе конференціи (онъ состоялъ ея членомъ) выставленъ и ею разбирается его весь подвигъ, мы узнали черезъ много лѣтъ, уже начавши сѣдѣть на службѣ въ офицерскихъ чинахъ.

\* \* \*

Дѣятельность конференціи имѣла немалую связь съ однимъ обстоятельствомъ, которое произошло еще до начала вступленія училища въ жизнь, т.-е. до сформированія его.

О томъ, что мнѣ предстоитъ теперь рассказать, я знаю изъ совершенно особаго и вѣрнаго источника. Былъ у насъ на службѣ въ гвардейской конной артиллеріи товарищъ Алексѣй Дмитріевичъ Милютинъ <sup>1)</sup>—сынъ военнаго министра; онъ былъ почти однихъ лѣтъ со мной, и мы, прослуживши нѣсколько лѣтъ въ строю, разошлись какъ бы для того, чтобы впоследствии сойтись на гражданской службѣ: въ началѣ 1873 года насъ разлучила прогремѣвшая тогда на всю Россію и ставшая общезвѣстною печальная „исторія Квитницкаго“; ватѣмъ почти черезъ 20 лѣтъ,—въ концѣ іюля 1892 года, я, состоя въ должности курскаго вице-губернатора, получилъ себѣ новаго начальника-губернатора въ лицѣ ген.-маіора Алексѣя Дмитріевича Милютина—въ ту пору уже графа.

Не мѣсто здѣсь распространяться о томъ, что мы, разойдясь въ 1873 году, какъ говорится, „на холодкахъ“, испытали немного пріятныхъ чувствъ, когда судьба насъ вновь свела въ столь близкихъ другъ къ другу положеніяхъ; впоследствии мнѣ быть можетъ доведется подробно рассказать, какъ отношенія наши изъ самыхъ холодныхъ постепенно сдѣлались самыми лучшими исключительно благодаря тому, что графъ Алексѣй Дмитріевичъ былъ человекомъ полнымъ рыцарства и джентльмэнства, какимъ его и считала Курская губернія въ теченіе

<sup>1)</sup> Выпуска 1865 г. изъ пажекаго корпуса; родился въ 1844-мъ году.

всѣхъ десяти лѣтъ управленія имъ ею.—Все это представляется крайне интереснымъ, но отлагается мною. Теперь же я привелъ здѣсь вообще свѣдѣнiе объ этой моей жизненной встрѣчѣ лишь для того, чтобы мимоходомъ указать источникъ, изъ котораго, между прочимъ, довелось мнѣ получать массу богатыхъ фактическихъ данныхъ о прошломъ, ставшемъ извѣстнымъ А. Д.—чу отъ отца и передавшемся мнѣ во время простыхъ товарищескихъ бесѣдъ, происходившихъ между нами среди дѣла при нашей совмѣстной службѣ въ Курской губерни.

\* \* \*

Въ самомъ началѣ своего пребыванія въ должности военнаго министра, Дмитрiй Алексѣевичъ Милютинъ, вернувшись однажды домой изъ обычно посѣщавшихся имъ засѣданiй, сообщилъ, что пришлось ему натолкнуться на большой куръезъ; въ комитетѣ о военно-учебныхъ заведенiяхъ, преобразование которыхъ было тогда рѣшено, рассматривался вопросъ объ установленiи внутренняго порядка въ нарождавшихся въ ту пору трехъ военныхъ училищахъ—Павловскомъ, Константиновскомъ и Александровскомъ, выдѣлявшихъ изъ корпусовъ въ свой составъ спеціальныя классы (лѣто 1863 года). Это, какъ выразился тогда Д. А. Милютинъ, являлось дѣломъ окончательной отполировки положенiя о создавшихся новыхъ военноучебныхъ заведенiяхъ.

Въ это время, когда все шло своимъ порядкомъ, одинъ изъ членовъ комитета заявилъ свое мнѣнiе о томъ, что въ военныхъ училищахъ, которыя соединять въ себѣ спеціальныя классы кадетскихъ корпусовъ, не слѣдовало бы допускать наложенiя иныхъ взысканiй кромѣ выговоровъ, замѣчанiй, указанiй и т. п.

Нѣкоторые изъ членовъ комитета, не вполне вникнувъ въ суть этого предложенiя, возразили, что оставлять юнкеровъ безъ взысканiй нельзя, они перейдутъ въ училища изъ кадетскихъ корпусовъ, которыхъ распущенность за послѣднiе годы сдѣлалась общезвѣстною и нетерпимою.

Было дано разъясненiе о томъ, что безнаказанности никто не предвидитъ и допуска ея вовсе никто не предусматриваетъ; все предложенiе строить такой порядокъ, при которомъ можно будетъ избѣжать наказанiй, не вяжущихся съ возрастомъ и съ положенiемъ кадетъ старшаго возраста; мелочность въ дѣлѣ наказанiй для нихъ должна отпасть—останутся лишь крупныя



поступки или преступления, за которыя училищная власть будетъ имѣть возможность налагать серьезныя взысканія; между ними въ видѣ крайней мѣры надо считать исключеніе изъ училища или переводъ въ армію юнкерскимъ званіемъ.

Предложеніе, показавшееся въ первую минуту курьезнымъ, было на разные лады переработано, высказано было стремленіе отбросить изъ этого дѣла всю мелочность и поставить его серьезно; — въ соотвѣтствіе съ тѣмъ, что все школьническое должно было отойти изъ быта юнкеровъ, проведены были новыя взгляды, при чемъ авторъ, — каковымъ оказался намѣченный на должность начальника одного изъ училищъ полковникъ Борисъ Антоновичъ Шванебахъ, — представилъ свои разъясненія въ подробномъ докладѣ, выслушанномъ комитетомъ и его председателемъ Дм. Алекс. Милютинымъ. — Массу промежуточныхъ взысканій, говорилъ Шванебахъ въ своемъ докладѣ, мое предложеніе даетъ возможность избѣгать; аресты, карцеры и другія наказанія, являющіяся неподходящими для того полуофицерскаго званія и положенія, которое юнкеръ, поступающій въ училище, принимаетъ, должны отпасть, такъ какъ то, что учиняется юнкерами, не является продѣлкой, а носитъ характеръ поступка, зрѣло, продуманно совершеннаго: соотвѣтственно этому и взысканіе не должно быть налагаемо воспитателемъ, какъ на школьника, иногда подъ вліяніемъ минутной вспышки и безъ какихъ-либо, подъ систему подведенныхъ соображеній; поэтому, предлагается, — мелкіе проступки игнорировать, а крупныя передавать на обсужденіе конференціи; члены ея, зная, что за выговоромъ и замѣчаніемъ нерѣдко, по очереди, идетъ исключеніе изъ училища, будутъ умѣрять себя въ дѣлѣ примѣненія строгости особенно излишней; не безъ того, что и сами юнкера, чувствуя возможность полученія, по градаціи своихъ поступковъ, вслѣдъ за выговоромъ взысканія самой строгой оцѣнки, несомнѣнно явятся сдержанными и въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ менѣе распущенными.

Результатомъ выслушанія этого разъяснительнаго доклада и происшедшихъ послѣ того дебатовъ явилось постановленіе, разрѣшившее вообще мѣру, предложенную полковникомъ Шванебахомъ, ввести въ видѣ пробы въ его училищѣ, на его отвѣтственность. Говорили будто бы, по донесеніи объ этомъ Государю, Его Величество приказалъ уравнивать въ этомъ отношеніи всѣ три училища; тогда же было для насъ выяснено мало, но намъ извѣстно, что за два года нашего пребыванія въ Александровскомъ военномъ училищѣ кромѣ выговоровъ болѣе или

менѣ строгихъ другихъ высканій не практиковалось, такъ о карцерѣ и помину не было. — Конференція обсуждала каждый серьезный поступокъ и рѣшала, стоитъ ли поступокъ вниманія и строгаго наказанія или можетъ быть окончень, какъ не стоящій наказанія.

Главное въ моей мысли было, говорилъ намъ впоследствии Б. А., чтобы избавить моихъ юнкеровъ отъ всякой возможности проявленія придирчивости по отношенію къ нимъ. — Отъ нея нельзя отдѣлаться, если за мелочныя продѣлки полагаются большія наказанія, если мелочамъ дается значеніе и если пустяки третируются какъ что-либо значительное. Впоследствии, согласно закона, были введены баллы за поведеніе; они тоже обсуждались конференціей.

Объ нихъ особо Б. А. Шванебахъ въ своихъ разсужденіяхъ комитету сообщилъ, что они представляютъ собою дѣло казенное, введенное закономъ въ видѣ оцѣнки умѣнья держать себя и вообще и, какъ нормировка всякихъ умѣній и знаній, ставятся наравнѣ съ научными, фронтовыми, строевыми <sup>1)</sup> и иными отмѣтками. Баллы тѣ вѣдала также училищная конференція.

Государь Императоръ, выслушавъ подробности предложеній Шванебаха, совершенно одобрилъ и оцѣнилъ ихъ, сказавъ военному министру: передайте Шванебаху, что его предложенія въ моихъ глазахъ представляются въ полной мѣрѣ человѣчными; все, что онъ вамъ докладывалъ, я считаю вполне справедливымъ; эта исторія, добавилъ Государь, мнѣ живо напоминаетъ случай, который лѣтъ десять тому назадъ вышелъ у меня съ дѣломъ назначенія директора въ создававшійся тогда, по волѣ покойнаго отца моего, кадетскій корпусъ въ Кіевѣ.

Случай этотъ, какъ впоследствии рассказывалъ Милютинъ-министръ сыну, состоялъ вотъ въ чемъ: когда въ 1853 году формировался новый кадетскій корпусъ—Кіевскій, Императоръ Николай Павловичъ поручилъ Цесаревичу Александру Николаевичу, какъ главному начальнику военно-учебныхъ заведеній, доложить,—кто будетъ имъ избранъ въ должность директора того корпуса?

Черезъ нѣсколько времени, остановившись на выборѣ полковника Образцоваго пѣхотнаго полка фонъ Вольскаго, Цесаревичъ доложилъ о немъ Государю и при этомъ добавилъ:

Баллы за поведеніе, какъ и за фронтъ, за гимнастику, за верховую ѣзду, вмѣстѣ съ классными, фигурировали въ среднемъ годовымъ выводѣ.

это тотъ достойный штабъ-офицеръ, о которомъ мнѣ не разъ докладывали, какъ объ начальникѣ, тщательно избѣгавшемъ употребленія розогъ и наложенія на подчиненныхъ ему нижнихъ чиновъ тѣлеснаго наказанія, а при томъ умудрявшемся держать свою часть,—роту, батальонъ,—въ полномъ порядкѣ безъ того, чтобы она была, или казалась по сравненію съ другими частями, слабою въ поведеніи или распущенной. — Это меня и понудило избрать его въ директоры.

— Ну тебѣ въ этомъ и книга въ руки, отвѣтилъ Императоръ Николай Павловичъ августѣйшему сыну, тѣмъ самымъ одобрявъ его выборъ; дай Богъ чтобы расчеты твои оправдались, въ чемъ я однако ни на минуту не сомнѣваюсь.

Мѣры, предлагаемыя Шванебахомъ, также ведутъ всецѣло къ снисходительности. Изъ фонъ-Вольскаго вышелъ прекрасный директоръ, говаривалъ впоследствии не разъ Императоръ Александръ II, и долго онъ опекалъ корпусъ; увѣреннымъ остаюсь, что и Шванебаху также посчастливится при предложенныхъ имъ совершенно соответствующихъ мѣрахъ снисхожденія и гуманности; оттого, тѣмъ съ большею радостью благословляю его на постъ начальника моего училища, нынѣ учреждаемаго.

А. Е. К.

*(Окончаніе слѣдуетъ).*

